УДК 316.74; 316.772.2

ФАЛЬСЕОИНТЕРАКЦИЯ КАК ОСОБАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Каширина Мария Валерьевна,
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, ассистент кафедры социологии, Россия, г. Абакан.
E-mail: ProstoVerner@mail.ru

Аннотация
Любое социальное взаимодействие – информационный контакт, который может содержать как истину, так и ложь. В статье предлагается терминологический и методологический анализ освоения проблемы эмпирического исследования таких фальсеоинтеракций – социальных взаимодействий, когда ложь является взаимно ожидаемой и взаимно устраивающей.

Ключевые понятия:
социальное взаимодействие, ложь, фальсеоинтеракция.

«Социальное взаимодействие» является фундаментальным, обобщенным понятием, центральным для целого ряда социологических теорий. Наиболее общепризнанной и устраивающей нас является версия, согласно которой *социальное взаимодействие – это «процесс непосредственного или опосредованного взаимодействия социальных субъектов (акторов) друг на друга. Это процесс обмена действиями между двумя и более акторами»* [4, с. 125]. Сущность социального взаимодействия заключается в том, что лишь во взаимодействии с другими людьми человек может удовлетворить подавляющее большинство своих потребностей, интересов, ценностей. Да и само по себе взаимодействие является основной жизненной потребностью человека.

Все социальные явления (социальные отношения, процессы, изменения, социальная структура, статусы, роли и пр.) возникают в результате социального взаимодействия. Оно складывается из отдельных, направленных друг на друга социальных действий. Поэтому социальное взаимодействие предполагает взаимные действия как минимум двух акторов. При этом действие может быть инициировано самим актором (индивидом, группой) и рассматриваться как «вызов», а может быть ответной реакцией на действия других – «ответ на вызов».

Интеракция как регулярный, устойчивый взаимообмен акторов социальными действиями является главным, приоритетным предметом социологического анализа. Но в исследованиях социальных взаимодействий, проводившихся в последнее время, заметный акцент ставится на формальной стороне дела – кто, кому, как передает информацию и как избежать искажения этой информации в процессе коммуникации. Поэтому, как правило, в структуре социального взаимодействия выделяют: акторов, как «адресатов» и «адресантов» информации и действий; проводников, выступающих в качестве инструментов социального обмена, и сами акты (действия). Но смыслосодержательное наполнение взаимодействий часто остается за пределами исследовательского внимания.

Отчасти это объяснимо: содержание взаимодействия почти всегда может быть выражено каким-либо текстом, анализ которого не вполне отвечает компетенциям классической социологии. Денотации и, особенно, коннотации – епархия социо-

лингвистики и, далее, всего комплекса языкознания. Лишь в последние десятилетия социология впрямую занялась исследованием речевых актов.

Ещё более проблематичным для перспектив социологического исследования выглядит логическая природа текстовых репрезентаций социальных взаимодействий. Логика видит в таких репрезентациях такие феномены, как истина и ложь.

Феномен лжи рассматривается во многих науках – психологии, педагогике, философии, логике и др. И рассматривается ложь в этих науках то как психологическое намерение, то как козни Диавола, то как безличное значение. Но ложь, помимо прочего, это ещё и социокультурный феномен. Лжет всегда кто-то (Лжец) и кому-то (Адресат лжи). Вне социальной жизни ложь существовать не может.

Истина, если понимать её как соответствие действительности, понимается логикой «как бы» сама по себе. В логике любая высказанная мысль по умолчанию, и пока не доказано обратное, понимается как истина или претензия на неё. В реальной действительности высказывание истины, как правило, есть поступок или даже подвиг. Но понятий поступка и подвига в учебниках по логике нет. В качестве поступка истинное суждение – полномочный элемент предметной области социологии.

Аналогичная ситуация и с феноменом лжи. Ложь всегда порождена человеком в силу каких-то социальных причин. Конечно, встречаются случаи, когда ложь обусловлена причинами, находящимися вне социальной реальности, то, что называют патологической лживостью, а на людей наклеивается ярлык патологических лгунов, или Мюнхгаузенов. Но это предмет психологии или даже психиатрии. В поле нашего интереса лежит ложь как социальная норма, её социальная детерминация.

Привнесение в проблематику лжи положений теории речевых актов разнообразит и расширяет наше проблемное поле. Напомним, высказывания, в том числе обоюдные, здесь понимаются как прагматические акты, успешные или безуспешные по своей природе, а вовсе не истинные и ложные. Под ложью теперь можно понимать не только речевые акты, но и социальные действия, и социальные взаимодействия. В этой транскрипции ложь (как текст) является частным случаем лжи как действия. Чаще всего здесь применяется термин «имитация» – в случае, когда каждая из сторон готова поступиться содержанием, смыслом взаимодействия, ради сохранения формы.

Например, сдача преподавателю купленной или скаченной из Интернета курсовой работы студентом, с репутацией «двоечника», за плод своего умственного труда. Она может сопровождаться текстом: «Это честно написанная мною работа», а может и не сопровождаться; для совершения действия это несущественно. В свою очередь преподаватель может сопроводить прием курсовой работы текстом: «Я уверен, что это твой аутентичный текст», а может и не сопроводить. Здесь также важен результат. И студент, и преподаватель сымитировали профессионально-этически безупречную ситуацию, хотя оба отлично понимали имитативность произошедшего.

Приведённый пример – отнюдь не выдумка. В 2012 г. автором было проведено пилотажное исследование в Хакасском государственном университете*. Результаты опроса показывают, что более чем для 70% студентов основным, и зачастую единственным, источником для написания рефератов и курсовых работ служит Интернет, причем не электронные библиотеки, а так называемые сайты-банки рефератов. Среди опрошенных студентов 70,3% знают о том, что студенты их вуза пользуются услугами специальных организаций по написанию студенческих работ, а 21,3% признались, что сами не раз обращались за помощью в такие организации. Основная масса опрошенных студентов (86%), которые пользуются услугами организаций или скачивают работу из Интернета, утверждают, что в большинстве случаев работа была зачтена. Эти цифры в свою очередь подтверждают данные, полученные в ходе интервьюирования преподавателей. Все принявшие участие в опросе

* Исследование проводилось в 2012 г. на базе Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова. Тема исследования: «Самостоятельная работа студентов как фальсеологическая процедура». Методы исследования: анкетирование (22 преподавателя и 126 студентов), анализ бюджета времени (22 студента). Была построена двухступенчатая выборка: лотерейным методом были отобраны 5 институтов ВПО (1/3 от всех институтов) и опрошено 11–13% студентов и преподавателей с каждого института. Выборка составила 169 респондентов.

преподаватели были в такой ситуации, когда студент пытался сдать скаченную из Интернета работу. И в большинстве случаев (73%) преподаватели, ссылаясь на ограничения руководства, невозможность добиться от студента более качественной, выполненной им самим работы, и, наконец, экономию собственных сил и времени, принимали у студента эту работу, не требуя доработки. Сразу следует оговориться, что приведённые и приводимые ниже результаты исследований, проводившихся на базе одного университета, конечно, не дают нам основания делать выводы о всеобщности и глобальности такого положения дел. Однако мы фиксируем исследовательское внимание на том, что такого рода имитационные взаимодействия имеют место быть и достойны научного изучения.

Так, основу такого «ложного» взаимодействия составляет взаимная, подкреплённая обоюдной выгодой имитация должного поведения (в приведённом выше примере – имитация сдачи качественной, написанной самим студентом работы с одной стороны, и проверка и «отсев» некачественных курсовых работ – с другой стороны).

Ложь заключается в намеренном искажении действительности ради достижения желаемой цели или стремления избежать нежелательных последствий. Как форма социального взаимодействия ложь – многолика. Существует множество понятий, на первый взгляд синонимичных понятию «ложь», например, такие, как дезинформация, маскировка или заблуждение. Анализ соотношения этих понятий между собой уже не раз приводился в научной литературе и не является целью данной статьи.

Особым семейством ситуаций выступают случаи, когда ложь выгодна обеим сторонам коммуникации. Здесь, как в приведенном выше примере, она идет на «встречных курсах» при минимальном сопротивлении среды. Студент не испытывает мук совести, преподаватель не афиширует уличение студента в плагиате. Пределы приличий – первый показатель взаимовыгодности ситуации.

Но «ложь» – это ещё и стигмат. Оба знают, что ложь – это грех и лгать нехорошо. Соответственно, если мы говорим о том, что оба актора осознают ложность взаимодействия, то мы можем хотя бы предполагать о моральных переживаниях каждого из них. Осознание лжи в таких социальных взаимодействиях, как правило, присуще как тому, кто лжет, так и тому, кто эту ложь принимает. И на первый взгляд, большая ответственность лежит всё же на том, кто лжет. Например, написание «липового» отчета – грех подструктуры организации. Но, с другой стороны, сама администрация зачастую не готова принимать отчеты с реальными цифрами и показателями. Тем самым получается, что создание ложного отчета – негласное требование администрации, что автоматически снимает моральную ответственность с работника. «Хочешь жить – умей вертеться!» – главное тому оправдание. Так, степень моральных переживаний, на наш взгляд, прямо пропорциональна мере ответственности за эту ложь, в случае, если она будет раскрыта. Кроме того, осознание аморальности такого взаимодействия не может быть постоянным, поскольку человек не может долго испытывать чувство вины.

Объяснением этому может служить механизм аксиологической эрозии. При его инициации люди либо смиряются с тем, что им приходится «лгать», и происходит искажение положительных ценностей, либо добровольно соглашаются на ложное взаимодействие, и в этом случае происходит полное вытеснение прежних ценностей «антиценностями».

Так ложь как содержание социального взаимодействия перестает осваиваться как проблема. Постепенно акторами такое взаимодействие будет осознаваться как взаимовыгодный обмен, что, безусловно, ведет к депроблематизации лжи как наполнения взаимодействия. Описанную форму социального взаимодействия мы и предлагаем определять понятием «фальсеоинтеракция».

В этом виде социального взаимодействия важно не только стремление «лжеца» исказить действительность ради достижения целей или во избежание негативных последствий, но взаимность этого стремления со стороны «адресата» лжи, который по сути дела добровольно принимает это искажение за саму действительность. Акторы, стремясь достичь каждый своей цели, лгут друг другу и позволяют лгать себе, демонстрируя свое поведение при этом как истинное.

Важнейшим компонентом социального взаимодействия является предсказуемость взаимных ожиданий или, иначе говоря, *взаимопонимание между акторами*. Если акторы «говорят на разных языках»

и преследуют взаимоисключающие цели и интересы, то результаты такого взаимодействия вряд ли будут положительными.

В случае с фальсеоинтеракцией в качестве взаимных ожиданий выступает как раз ложь. Иными словами, «лжец» знает, что тот, кому он лжет, знает, что он лжет, и ожидает, что «адресат» лжи не станет говорить о том, что он знает об этой лжи. Взаимно, «адресат» лжи знает, что «лжец» знает, что он («адресат») знает, что ему лгут, и добровольно принимает эти «правила» фальсеоинтеракции.

Сущность фальсеоинтеракции, выраженная в терминах социолингвистики, состоит в противоречии денотативного (заявляемого) и коннотативного (подразумеваемого) слоев социального взаимодействия. Всякий раз, когда актор фактически делает одно, выдавая своё действие за другое, получается «фальсеоакция». Всякий раз, когда акторов как минимум двое, и их действия аналогичны и обращены друг на друга, получается фальсеоинтеракция. В этом качестве она является атомом социального.

Часто предикат «социальное, социальный» играет роль стандартного деПроблематизатора. Придание социального характера деПроблематизируемым феноменам – это не методологическая прихоть или иллюзия социолога; это – начало реального социогенетического процесса. Толерантность к подобным «нарушениям» неизбежно ведет не только к деПроблематизации, но и к институционализации лжи. Общество «привыкает» к таким ложным, имитационным практикам, за которыми стоят крупные группы людей с уже сложившимися образами и формами поведения. Складывающийся на протяжении долгого времени неформальный образ действия прочно закрепляется и укореняется в сознании людей. Общество всё меньше и меньше фиксирует своё внимание на таких имитационных практиках, как на деструктивных, патологических. К примеру, масса студентов-шпаргалочников воспринимается уже скорее как норма, чем патология [3, с. 133], а списывание со шпаргалки – устойчивая социальная практика (по результатам опроса* 51% студентов оценивают подобные ситуации как естественное положение вещей, позволяющее студентам сэкономить время и усилия; 72% опрошенных преподавателей и 36,4% студентов осознают, что подобное оценивание пагубно отражается на качестве образования специалистов, но при этом утверждают, что это всё же этого не избежать).

Ещё один фактор институционализации лжи – мощное «прикрытие» этой лжи со стороны начальства и/или даже обоснование её полезности. Начальство, как правило, вырабатывает некие формальные критерии для выявления качества процесса и результата работы. При этом зачастую формальные критерии не отражают в полной мере или вовсе не отражают реальное положение вещей. И одновременно с этим стремление к соответствию этим критериям, напротив, пагубно отражаются на функционировании системы. Например, «сохранность контингента» – это формальный критерий качества работы вуза. Т.е. чем меньше студентов было отчислено, тем лучше работают преподаватели. Задача каждого преподавателя вуза – так объяснить, научить и заинтересовать студентов, чтобы каждый из них мог успешно сдавать сессии, желательно только на «хорошо» и «отлично». При этом упускается из виду то, что стремление вуза соответствовать этому формальному критерию порождает неформальную практику выставлять студентам незаслуженные, завышенные оценки [2, с. 175].

Регулярный обмен порождает в людях систему взаимных ожиданий; если ожидания лжи в интеракции взаимны и облегчают каждому из взаимодействующих достижение своих целей, то такая фальсеоинтеракция приобретает устойчивую форму.

Так, под «фальсеоинтеракцией», «фальсеологическим взаимодействием» мы будем понимать такое социальное взаимодействие, в основании которого лежит осознанность фальши (обмана, лжи) обеими сторонами взаимодействия, и одновременное принятие ими этих «правил игры». Особенность фальсеоинтеракции заключается в том, что это не просто имитационное взаимодействие, где один актор – лжец, а другой – реципиент лжи. Суть фальсеоин-

* Исследование проводилось на базе ХГУ им. Н. Ф. Катанова в апреле 2011г. Предметом исследования было отношение преподавателей и студентов высшего образования ХГУ им. Н. Ф. Катанова к экзамену как ложному взаимодействию. Была построена двухступенчатая выборка: лотерейным методом были отобраны 5 институтов ВПО (1/3 от всех институтов) и опрошено 13% студентов и преподавателей с каждого института. Объём выборки составил 143 студента и 22 преподавателя. Всего N=165.

теракции в негласном, взаимном согласии на ложное внутреннее наполнение взаимодействия и взаимной готовности соблюдать все формальные, внешние «правила» взаимодействия. Это своего рода фальсеоконвенция. И дело даже не только и не столько в расхождении должного и реального, сколько в сокрытии реального «под маской» должного обеими сторонами взаимодействия.

Теоретической основой изучения фальсеоинтеракций является теория Дж. Хоманса. Этот американский социолог считает, что в процессе взаимодействия каждая из сторон стремится получить максимально возможные вознаграждения за свои действия и минимизировать затраты. К числу важнейших вознаграждений Хоманс относит социальное одобрение. Взаимно вознаграждаемое взаимодействие имеет тенденцию к регулярности и перерастает во взаимоотношения на основе взаимных ожиданий. Если ожидания не подтверждаются, то мотивация к взаимодействию и обмену будет снижаться.

Между вознаграждением и затратами нет прямой пропорциональной зависимости, так как кроме экономической и иной выгоды действия людей детерминированы (обусловлены) множеством других факторов – культурой, моралью, религией и т.д. Например, желанием получить максимально возможное вознаграждение без должных затрат или напротив – желанием сделать добро, не рассчитывая на вознаграждение.

Каждый человек, по Хомансу, стремится к максимизации вознаграждения своих действий и минимизации затрат [5]. А одним из средств минимизации затрат является как раз ложь. Она, как правило, значительно облегчает путь к достижению цели – как эмоционально, так и организационно.

Здесь следует вернуться к высказанной выше идее о том, что истина энергетически более затратна, чем ложь. Для иллюстрации достаточно честно спросить супруга или супругу: «Скажи честно, изменял ли ты мне?». Правдивый ответ, в случае, если он утвердительный, гораздо труднее дается психологически и в дальнейшем грозит гораздо более серьезными последствиями, чем ложный. И в большинстве случаев фоновым ожиданием является именно последний вариант, что подтверждается данными исследований в русле социальной психологии [1, с. 25].

Регулярный обмен порождает в людях систему взаимных ожиданий; если ожидания лжи в коммуникации взаимны и облегчают каждому из взаимодействующих достижение своих целей, то такая фальсеоинтеракция приобретает устойчивую форму.

Апелляция к теории речевых актов при изучении фальсеоинтеракций делает еще одной теоретико-методологической точкой опоры прагматизм (особенно в версии Дж. Дьюи), согласно которому критерий истины – эффективность. То есть, если взаимодействие приносит пользу, – оно истинно и правильно. Но понятие пользы здесь требует уточнения. Если мы говорим о достижении тактических целей, тогда фальсеоинтеракции можно назвать полезными. Списывающий студент на экзамене получает оценку, закрывающий на это глаза преподаватель «сохраняет контингент». Если же говорить о стратегических целях, то в этом случае становится видна мнимая полезность фальсеоинтеракции: оба актора не только получают вознаграждения, но и терпят издержки. Студент не получает знания, а преподаватель рискует репутацией. Не говоря уже о макросоциальном ущербе.

Таким образом, фальсеологическая интеракция – это особая форма социального взаимодействия, содержанием которого является ложь, а социально-демонстративным оформлением – «как бы истина». Как категорию социологической науки фальсеоинтеракцию следует рассматривать наравне с другими формами социальных взаимодействий и отношений – власти, зависимости и т.д.

Изобилие нюансов и подходов показывает, что изучение и исследование данной формы социального взаимодействия требует от исследователя высокого методического и технического мастерства, тщательной разработки инструментария.

Эмпирическое исследование фальсеоинтеракций предполагает выявление трёх ключевых моментов: 1) признание актором собственной лжи; 2) знание о лжи «со-взаимодействующего»; 3) принятие лжи за истину обеими сторонами взаимодействия. Зафиксировав наличие этих индикаторов во взаимодействии, мы можем говорить о синдроме фальсеологической интеракции. Более того, теоретико-методологические «точки опоры» позволяют надеяться на получение формализованного и валидного результата. Но выявление и фиксация синдрома фальсеоинтеракции – это не самоцель исследователя. Более важным для социолога является получение прак-

тического результата выявления фальсеокоммуникативного насыщения конкретной социокультурной среды, и ответ на вопрос: следует ли что-либо предпринимать, если да, то что именно? На данный момент, располагая весьма ограниченным массивом эмпирических данных, мы не можем делать фундаментальных выводов. Но, тем не менее, имеющиеся данные позволяют нам выдвинуть гипотезу о том, что фальсеоинтеракция имеет свой количественный порог, преодоление которого будет сигналом социальной депрессии. Но выявление таких пороговых значений – дело дальнейших исследований.

1. Воронина, Т.Д. Развод как социальный феномен в современной России: причины и последствия. Опыт регионального исследования / Т.Д. Воронина // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология: Научный журнал. 2011. № 1 (13). С. 21–31.

2. Ибрагимов, Р.Н. Грех лжи: факт и объект / Р.Н. Ибрагимов, М.В. Вернер // Идеи и идеалы. 2011. № 4 (10). – Т.1. С. 170-176.

3. Ивонин, Ю.П. Трактат о шпаргалке / Ю.П. Ивонин // Идеи и идеалы: научный журнал. 2010. №1 (3) т. 1. С. 132–143.

4. Козырев, Г.И. Социальное действие, взаимодействие, поведение и социальный контроль / Г.И. Козырев // Социс. 2005. № 8. С.124–129.

5. Хоманс, Дж. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология / Дж. Хоманс [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/text/18352507/ (дата обращения: 30.04.2013).

1. Voronina, T.D. Razvod kak social'nyj fenomen v sovremennoj Rossii: prichiny i posledstvija. Opyt regional'nogo issledovanija / T.D. Voronina // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija: Nauchnyj zhurnal. 2011. №1 (13). S. 21–31 (Russian).

2. Ibragimov, R.N. Greh lzhi: fakt i ob#ekt / R.N. Ibragimov, M.V. Verner // Idei i idealy. 2011. № 4 (10). – T.1. S. 170–176 (Russian).

3. Ivonin, Ju.P. Traktat o shpargalke / Ju.P. Ivonin // Idei i idealy: nauchnyj zhurnal. 2010. № 1 (3) t. 1. S. 132–143 (Russian).

4. Kozyrev, G.I. Social'noe dejstvie, vzaimodejstvie, povedenie i social'nyj kontrol' / G.I. Kozyrev // Socis. 2005. № 8. S.124–129 (Russian).

5. Homans, Dzh. Social'noe povedenie kak obmen // Sovremennaja zarubezhnaja social'naja psihologija / Dzh. Homans [Jelektronnyj resurs]. URL: http://ecsocman.hse.ru/text/18352507/ (data obrashhenija: 30.04.2013) (Russian).

UDC 316.74; 316.772.2

FALSEOINTERAKTSIYA AS A SPECIAL FORM OF SOCIAL INTERACTION

Kashirina Maria Valeryevna,
Khakas State University named after N.F.Katanov ,
Assistant of the Chair of Sociology,
Abakan, Russian.
E-mail: ProstoVerner@mail.ru

Annotation
Any social interaction is an information contact, which can contain both truth and falsehood. The paper proposes a terminological and methodological analysis of the development of an empirical study of such problems as falseointeraktsy – social interactions, when the lie is mutually expected and mutually arranged.

Key concepts:
Social interaction,
lies,
falseointeraktsiya.